Яков МИРКИН,
доктор экономических наук, профессор,
заведующий отделом международных
рынков капитала, ИМЭМО РАН

Каковы наши шансы

Финансовые рынки — функция от политического устройства страны и модели ее экономики. История с Крымом, санкции США и ЕС ставят нас на перепутье. Тот или иной ответ на санкции может изменить всю систему координат, сложившуюся в России с начала 1990-х годов. Именно сегодня время прогнозировать, просчитывать варианты.

Ответ, который даст Россия, зависит от того, насколько чувствительными станут санкции для самолюбия «верхов» и насколько тяжелы будут потери в экономике от действий Западных стран. Чем сильнее будет вызов со стороны ЕС и США, тем глубже изменения, которые произойдут во внутренней экономике.

Первый сценарий — худший. Подвижка к закрытой, мобилизационной экономике. Сначала финансовые шоки, подобные тем, что были 3 марта. Бегство капитала. Если дело зайдет далеко, произойдет переход к мобилизационным или даже «военным» финансам. Рынки закрыты или падают, банки поддерживаются вбросами ликвидности со стороны ЦБР. Вводятся ограничения на счет капитала, фиксируется валютный курс, обращение иностранной валюты ограничивается или она вовсе изымается из обращения. Прерываются карточные связи с внешними платежными системами. Государство консолидирует банки. Вся система денежно-кредитных отношений пронизывается административными ограничениями. Рационирование кредита, наличности и тому подобное.

В короткой перспективе ко всему этому может подтолкнуть вооруженный конфликт «Россия — Украина» (в него не верится). Еще одна экзотика — блокада ЕС поставок нефти и газа из России, создание моста по срочной переброске топлива из США. За рубежом обсуждается и этот вариант.

Но есть и длинный путь. К мобилизационной экономике и к вымиранию финансового рынка может привести вытеснение России с европейских рынков сырья, ограничение ее доступа к глобальным рынкам капитала. Ставит ли кто-то подобные цели в отношении России? Сегодня ЕС глубоко зависит от российского топлива. Доля России на европейском нефтяном и газовом рынках — 33%, на рынке угля — 27%. Ее доля во внутреннем потреблении газа многих стран Восточной и Центральной Европы доходит до 80–100%: в Австрии — 49%, в Германии — 36%, в Италии — 27%, во Франции — 14%, в Швейцарии — 12% и так далее (по данным за 2007–2010 годы). Да, такие цели ставятся. Ключевые цели энергетической политики США в Европе — диверсификация источников газа для Европы, создание транспортных коридоров для газа в обход России[1]. Один из источников диверсификации — вход США на газовый рынок Европы. По форме – оказание «помощи», по факту – вытеснение конкурента (России), расширение собственной ниши на энергетическом рынке Европы благодаря условиям, создаваемым «сланцевой революцией», сжиженным природным газом, снижением издержек в США на производство топлива. «...Перспективы объемных поставок сжиженного природного газа из США могут создать возможность для Штатов играть большую роль в обеспечении энергетической безопасности Европы и на мировом рынке газа». «В тех частях Европы, особенно в Балтийском регионе и в Центральной Европе, с которыми у США сильные и дружественные отношения, будет приветствоваться любое решение о поставках сжиженно-

[1] Congressional Research Service. Europe's Energy Security: Options and Challenges to Natural Gas Supply Diversification (August, 2013). — P. 3.

го природного газа из США в качестве потенциального источника замещения, ослабляющего их зависимость от газа из России»[1]. Польша и Эстония строят портовые терминалы для сжиженного газа.

А что с нефтью? Февраль 2014 года: после многолетнего перерыва выданы первые лицензии на экспорт нефти из США в Европу (на несколько миллиардов долларов). В США повсеместно раздаются призывы снять ограничения на экспорт нефти, существующие с момента нефтяного эмбарго середины 1970-х годов. Прогнозируется, что в 2015 году США выйдет на первое место в мире по производству нефти (сегодня первое место у России, по данным International Energy Agency на ноябрь 2013 года). «В случае если не произойдет деэскалация, нужны шаги по замещению «полагания» на импорт из России экспортом нефти и газа из США»[2].

Прогноз таков: в будущем не только массированные поставки сжиженного природного газа из США в Европу, но и создание моста по выборочному экспорту нефти именно в Европу, несмотря на то что США останутся нетто-импортером нефти. Ничего личного — только бизнес геополитики.

Эти тексты посланий, адресованные Конгрессу США, тяжело, невозможно читать, они пронизаны логикой вытеснения, холодной «имперской» игры. «Нездравомыслие», конфликтность, приводящие к резкому ослаблению тех, кто пытается создать в России открытую, рыночную экономику, гражданское общество. Каким должен быть ответ России на эти вызовы? Возможно ли в таких жестких условиях построение гражданского общества и открытой экономики, которую весь западный мир побуждает к тому, чтобы стать «закрытой крепостью»?

Ответ — **второй сценарий,** неожиданный и асимметричный — либерализация, «взрыв» внутренней экономической активности в России. Все подчинить росту внутреннего спроса и предложения. На первое место поставить интересы среднего класса, увеличение его активов и имущества.

Программа мер? Ничего проще:

– налоговые каникулы для вновь открываемого бизнеса на пять лет;

– замораживание тарифов, рост — не более 1% в год;

– регрессивный налог на прибыль. Показал выше рост прибыли в сопоставимых ценах — плати меньший налог;

– обещание не повышать в течение 5–7 лет социальные налоги;

– обещание понизить ставку НДС через 3–4 года;

– налоговые каникулы при нулевой ставке на прибыль и дивиденды по прямым иностранным инвестициям из G7 и других развитых стран;

– создание финансового офшора в «подбрюшье» Европы — Калининграде;

– снижение ключевой ставки Центрального банка до 1–1.5%;

– установление административных потолков для процентов по ссудам. Жилищная ипотека — не выше 7%, как в Восточной Европе;

– решительная антимонопольная борьба с ценовыми картелями (формальными и неформальными);

– «убиение» сверхвысоких регулятивных издержек. В 2000-е годы число нормативных актов росло по экспоненте. Условно 50-процентное сокращение;

– сокращение госаппарата. Условно на 30%;

– затормаживание падения рубля (это сделает пул ЦБР — пять крупнейших государственных банков, именно они «создают» валютный рынок);

– замораживание полицейской и налоговой борьбы с офшорами, которая приводит только к усилению оттока капитала. Вместо этого — резкое облегчение условий и рисков бизнеса в России;

– стимулирование массовой розничной собственности на акции;

– чистота помыслов. KPI для правительства — по индексу коррупционности Transperancy International переместится с 127-го места (из 177) хотя бы на 80–90-е место.

И многое другое. Кстати, примерно этим собирается заняться Украина.

Что все это означает для финансового рынка? Расцвет. Много денег, много рублевых инвестиций, массовые эмиссии. Деконцентрация (сейчас 70–80% денег аккумулируется в Москве) и деконсолидация (пять крупнейших банков, четыре из которых под контролем государства, держат более 50% активов кредитных организаций). Разгосударствление (50% банковского сектора находится под контролем государства). Рост монетизации и капитализации. Вместо сокращения численности финансовых институтов — их увеличение. Развитие институтов коллективных инвестиций. Диверсификация финансовых институтов и инструментов. Иной уровень финансового развития, приближающийся к «новым индустриальным экономикам». Возврат нерезидентов на рынок. Притормаживание инфляции. Вместо чистого вывоза капиталов каждый год — их приток. Сокращение черного и серого оборота. И конечно же, рост доходов бюджета.

Экономика — это пространство психологии, ожиданий, настроений. Второй сценарий будет означать вместо жалоб и внутренней эмиграции возникающее чувство свободы — того, что российская экономика становится удачным, эффективным, безрисковым проектом.

Является ли второй сценарий нереалистичным, с учетом того как складывается логика развития властных структур и их идеологии? Не мечта ли это о том, как построить мост из Петербурга в Москву? Шансы на его реализацию невелики. Скорее мы будем болтаться где-то между двумя стульями, не скатываясь окончательно к мобилизационной экономике, но и не уходя в ту зону, где строится социальная рыночная экономика, подчиненная среднему классу, и совершается экономическое чудо. Мы будем подвержены ударам и неприятностям от вытеснения России с рынков, от колебаний мировых цен на сырье, от роста непроизводительных расходов государства, а также будем испытывать растущее давление потока административных ограничений и властных вмешательств, искажающих экономическую жизнь.

Но в истории бывают неожиданные кульбиты. Так же как и на рынке, позиция может вдруг «перевернуться». Шансы на это пока есть. Власть способна на неожиданные и неординарные решения. Или уже не способна?

Ответ будет дан в течение 5–10 ближайших лет.

---

1 Congressional Research Service. Europe's Energy Security: Options and Challenges to Natural Gas Supply Diversification (August, 2013).— P. 3, 27.

2 Richard Haass, President of the Council on Foreign Relations («Мозговой центр», независимая организация, считающаяся «самой влиятельной» в области внешней политики США). Интервью, 3 March 2014, How to Respond to Ukraine's Crisis? (cfr.org)